

Михаил Булгаков

ПИСЬМА П. С. ПОЛОВУ

Письма М.А.Булгакова к Навду Сергеевичу Попову, хранящиеся в ИРЛИ, фонд 369, частично были опубликованы в книге "Неизданный Булгаков. Тексты и материалы", Ардис, 1977. В нашей публикации совпадения с "Неизданным Булгаковым" отмечены двойными скобками, различия оговорены. чтобы не затруднить читателями поисками этой редкой книги, мы перепечатываем из нее три письма /15, 21, 22/, которые у нас отсутствовали. Часть писем продиктована М.А.Булгаковым и - за исключением подписи - написана Е.С.Булгаковой /23-27/ или на машинке /12, 16-19/. Московский адрес П.С.Попова - Арбат 45, кв. 4.

/I/

26.X.31 г.

Москва

Дорогой Навел Сергеевич, только что получил Ваше письмо от 24.Х. Очень обрадовался. Во-первых, все-таки в "десятках экземпляров", а не "экземпляр... - ...ах". Ах, будьте упрямы и пишите, как писали до сих пор!

Но "ах" ли, "ах" ли, нет десятков! Мало отпечатал. Несмотря на это, приложу все старания к тому, чтобы Вас ознакомить с этим безмерно утомившим меня произведением искусства.

Второе: убили Вы меня бумагой, на которой пишете! Ай, хороша бумага! И вот, изволите ли видеть, на какой Вам приходится отвечать! Да еще карандашом. Чернила у меня совершенно несносные. И я бы на месте Михаила Васильевича в том же письме к генерал-поручику И.И.Шувалову воспал вместе со стеклом за компанию и письменные принадлежности.

"Не меньше пользы в них,
но меньше в них красы!"

А мне, ох, как нужны они. На днях вплотную придется приниматься за гениального деда Анны Ильиничны. Вообще дела сверх головы и ничего не успеваешь и по пустякам разбиваешься, и переписка запущена позорно. Переутомление, проклятые житейские заботы!

Собирался вчера уехать в Ленинград, пользуясь паузой в МХТ, но получил открытку, в коей мне предлагается явиться завтра в Военный Комиссариат. Полагаю, что это переосвидетельствование. Надо полагать, что придется сидеть, как я уже сидел весною, в одном белье и отвечать комиссии на вопросы, не имеющие никакого отношения ни к Мольеру, ни к парикам, ни к шпагам, испытывать чувство острой тоски. О, //Праведный Боже, до чего же я не нужен ни в каких комиссариатах. Надеюсь, впрочем, что станет ясно, что я мыслим только на сцене, и дадут мне чистую и отпустят вместе с моим больным телом и душу на покаяние!//

Думаю перенести поездку в Ленинград на ноябрь.

В Вашем письме нет адреса. Звонил Тате и та сказала то, что не внушает доверия: Тярлево? Есть такое место? что ж поделаешь, пишу в Тярлево.

Если у Вас худо с финансами, я прошу Вас телеграфировать мне. Коля живет пристойно, но простудился на днях.

"Мольер" мой получил литеру Б (разрешение на повсеместное

исполнение).

Привет Анне Ильиничне! От Любови Евгеньевны привет!
Иду Вашего ответа, адреса, жму руку.

Ваш М.Булгаков

Б.Пироговская, 35а кв.6

(как совершенно справедливо Вы и пишите).

/2/

25.I.32

Дорогой Навел Сергеевич!

Вот, наконец-то пишется ответ на Ваше последнее письмо. Бессонница, ныне верная подруга моя, приходит на помощь и водит первом. Подруги, как известно, изменяют. О, как жалал бы я, чтобы эта изменила мне!

Итак, мой дорогой друг, чем закусывать, спрашивается Вы? Ветчиной. Но этого мало. Закусывать надо в сумерки на старом по-тертом диване среди старых и верных вещей. Собака должна сидеть на полу у стула; а трамваи слышаться не должны. Сейчас шестой час утра и, вот, они уже воют, из парка расходятся. Содрогается мое проклятое жилье. Впрочем, не буду гнездить судьбу, а то летом, чего доброго, и его лишился — вончается контракт.

Былиевые ко мне один человек пришел, осмотрелся и сказал, что у меня в квартире живет хороший домовой. Надо полагать, что ему понравились книжки, кошка, горячая картошка. Он не наблюдален. В моей яме живет скверная компания: бронхит, ревматизм и черненькая девочка — Некрастения. Их выселить нельзя. Дудки! От них нужно уехать самому.

Куда?

Куда, Навел Сергеевич?

Впрочем, полагаю, что такое письмо Вам радости не доставит и перехожу к другим сообщениям.

// Вы уже знаете? Дошло к Вам в Ленинград и Тярлево? Нет? Извольте: 15-го января^{*} днем мне позвонили из Театра и сообщили, что "Дни Турбиных" срочно возобновляются. Мне неприятно признаться: сообщение меня раздавило. Мне стало физически некорово. Хлынула радость, но сейчас же и моя тоска. Сердце, сердце! //

Предшествовали телефону в то утро воистину колдовской знак. //У нас новая домработница, девица лет 20-ти, похожая на глобус. С первых же дней обнаружилось, что она прочно по-крестьянски скучна и расчетлива, обладает дефектом речи и богатыми способностями по счетной части, считает излишним существование на свете домашних животных — собак и котов ("кормить их еще, чертей") и страдает при мысли, что она может опоздать с выходом замуж. Но кроме всего этого в девице заключается какой-то секрет и секрет мучи-

тельный. Наконец он открылся: сперва жена моя, а затем и с опозданием догадались — девица оказалась трагически глупа. Глупость выяснилась не простая, а, так сказать, экспортная, приводящая веселых знакомых в восторг. И при этом в венце такого упрямства, какого я еще не видел. Краткие лекции по разным вопросам, чтение которых принял на себя я, дали блестящие результаты — в головах у девицы и у меня сделалось окончательное месиво^{***}. Курс драматургии я исключил, сочтя по наивности девицу стоящей вне театра. Но я упустил из виду, что кроме моего университета существуют шесть кухонь в нашем доме с Марусями и Грушами и Ношами//.

//28.I

Продолжаю:

Девица, если не полностью курс драматургии, то во всяком случае историю драматургии Михаила Булгакова в кухне прослушала. И это ей понравилось, ибо драматургия, как известно, родная сестра бухгалтерии//.

И в то время как в салоне арендаторши решаются сложнейшие задачи — как и какую финансовую операцию учинить над М.А.Булгаковым ближайшим летом, в кухне бьются над именованными числами попроще: сколько метров ситца можно было бы закупить и включить в состав девицкого приданого, в случае если бы пьесы щедрого драматурга пошли на сцене.

//29.I.

Боюсь, что письмо длинно. Но в полном моем одиночестве давно уже ржавеет мое перо, ведь я не совсем еще умер, я хочу говорить настоящими мсими словами!

Итак: 15-го около полудня девица вошла в мою комнату и, без какой бы то ни было связи с предыдущим или последующим, изрекла твердо и пророчески:

— Грубная пьеса ваша пойдет. Заработаете тыщу.

И скрылась из дома.

А через несколько минут — телефон.

С уверенностью можно сказать, что из Театра не звонили девице, да и телефонов в кухнях нету. Что же это такое? Полагаю — волшебное промышление//.

далее — Театр. павел Сергеевич, мою пьесу встретили хорошо во всех цехах, и смягчилась моя душа!

А далее плеснуло в город. Мать чесная, что же это было!

30.I ■ Было три несчастья. Первое вылилось в формулу: "Поздравляю. Теперь Вы разбогатеете!" Раз - ничего. Два - ничего. Но на сотом человеке стало тяжко. А все-таки, ~~шиши~~ некультурные мы! Что за способ такой поздравлять! Тем более, что по отношению ко мне на долгий срок еще такого sorta поздравление звучит глупейшим издевательством. Я с ужасом думаю о будущем лете и о квартирном вопросе.

Номер второй. "Я смертельно обижусь, если не получу билета на премьеру". Это казнь египетская.

Третье хуже всего: Московскому обывателю оказалось дозарезу нужно было узнать "Что ~~ши~~ это значит?!" И этим вопросом они стали истязать меня. Нашли источник! Затем жители города решили сами объяснить, что это значит, видя, что ни автор пьесы, ни кто-либо другой не желает или не может объяснить этого. И они наобъясняли, Навел Сергеевич, такого, что свет померк в глазах. Кончилось тем, что ко мне ночью вбежал хорошо знакомый человек с острым носом с большими сумасшедшими глазами. Воскликнул: "Что это значит?!"

- А это значит, - ответил я, - что горожане и преимущественно литераторы играют IX главу твоего романа, которую я в твою честь, о, великий учитель, инсценировал. Ты же сам сказал: "в голове кутерьма, сутолока, сбивчивость, неопрятность в мыслях... вызначилась природа маловерная, ленивая, исполненная беспрерывных сомнений и вечной болезни". Укрой меня своей чугунной шинелью!

И он укрыл меня, и слышал я уже глушше, как шел театральный дождь - и бухала моя фамилия и турбинская фамилия и "Шаляпин приезжает и Качалову ногу отрезали"!! (Качалов точно болен, но нельзя же все-таки народным артистам ноги отхватывать! А Шаляпин, кажется, не приезжает и только зря в Большом телефон оборвали. Языки бы им оборвать!).

Ну, а все-таки, Навел Сергеевич, Что же это значит? Я то знаю?

Я знаю:

В половине января 1932 года, в силу причин, которые мне неизвестны, и в рассмотрение коих я входить не могу, Правительство СССР отдало по МХТ замечательное распоряжение пьесу "Дни Турбиных" возобновить.

Для автора этой пьесы это значит, что ему - автору возвращена часть его жизни. Вот и все.

24.II.1932. Сегодня получил Вашу открытку от 20.II.1932 г.
Большое спасибо за поздравление!

Это письмо, как бы оно ни устарело, посыпаю Вам, а вслед за ним посыпаю дальнейшие. Вот, Вы видите, как я работаю в эпистолярном роде. Мучительно, как будто везу! Итак, это письмо посыпаю как "письмо I-е". Очень прошу мне писать заказными (рядом дом № 35 и неграмотные почтальончики носят туда мои письма). Обязательно напишите, получили ли Вы это. А мне Ильиничне спасибо за поздравление.

Михаил.

В "Неизданном Булгакове" разнотечения:

* 16-го января

** Исключительно месиво

/3/

// 19.Ш.1932 г.

Москва//

Дорогой Навел Сергеевич!
Разбиваю письмо на главы.

Иначе запутаюсь.

//Гл. I Удар финским ножом//

Большой драматический Театр в Ленинграде прислал мне сообщение о том, что Худполитсовет отклонил мою пьесу "Мольер".

Театр освободил меня от обязательств по договору.

А) На пьесе литера "Б" Главрепеткома, разрешающая постановку безусловно.

Б) За право постановки Театр автору заплатил деньги.

В) Пьеса уже шла в работу.

Что же это такое?

Прежде всего это такой удар для меня, что описывать его не буду. Тяжело и долго.

На апрельскую (примерно) премьеру на Фонтанке я поставил все. Карту убили. Дымом улетело лето... ну, словом, что тут говорить!

О том, что это настоящий удар, сообщаю Вам одному. Не говорите никому: чтобы на этом не сыграли и не причинили бы мне дальнейший вред.

Далее это обозначает, что, к ужасу моему, виза Главреперкома действительна на всех пьесах, кроме моих.

Приятным долгом считаю заявить, что на сей раз никаких претензий к государственным органам иметь не могу. Виза - вот она. Государство в лице своих контрольных органов не снимало пьесы. И оно не отвечает за то, что Театр снимает пьесу.

Кто же снял? Театр? Помилуйте! За что же он 1200 рублей заплатил и гонял члена дирекции в Москву писать со мной договор?

Наконец, Грязнула информация из Ленинграда. //Оказалось, что пьесу снял не государственный орган. Уничтожил Мольера совершенно неожиданный персонаж!

Убило Мольера частное, неответственное, не политическое, кустарное и скромное лицо и по соображениям совершенно не поли-

тическим. Лицо это по профессии драматург. Оно явилось в Театр и так наугада его, что он выронил пьесу.

Первоначально, когда мне сообщили о появлении драматурга, я засмеялся. Но очень быстро смеяться я перестал. Сомнений, увы, нет. Сообщают разные лица.

Что же это такое?

Это вот что: на Фонтанке, среди бела дня, меня ударили сзади финским ножом при молчаливо стоящей публике. Театр, впрочем, боится, что он кричал "караул", но никто не прибежал на помощь.

Не смею сомневаться, что он кричал, но он тихо кричал. Ему бы крикнуть по телеграфу в Москву, хотя бы в Народный Комиссариат Просвещения.

Сейчас ко мне наклонилось два-три сочувствующих лица. Видят, плывет гражданин в своей крови. Говорят, "кричи!" Кричать, лежа, считаю неудобным. Это не драматургическое дело!

Просьба, Навел Сергеевич: может быть, Вы видели в ленинградских газетах след этого дела. Примета: какая-то карикатура, возможно, заметки. Сообщите!

Зачем? Не знаю сам. Вероятно, просто горькое удовольствие еще раз глянуть в лицо подковавшему.

Когда сто лет назад командора члена русского ордена писателей пристрелили, на теле его нашли тяжкую пистолетную рану. Когда через сто лет будут раздевать одного из потомков перед отправкой в дальний путь, найдут несколько шрамов от финских ножей. И все на спине.

Меняется оружие!

Продолжение последует, если не возражаете.

Пасмурно у меня на душе.

Ваш М.Булгаков//

/4/
27. III. 32
Москва

Дорогой Павел Сергеевич!
Гл. II

Нет, нет, дорогой друг, дело не в капитальном строительстве. Пьеса находится не в Александринском (Академии), а в Большом Драматическом Театре (БДТ) на Фонтанке № 65.

То-есть, вернее, находилась.

//Похоронил же ее, как я вам точно сообщаю, некий драматург, о коем мною уже получены многочисленные аттестации. И аттестации эти одна траурнее другой.

Внешне: открытое лицо, работа "под братишку", в настоящее время крейсирует в Москве.

Меня уверяют, что есть надежда, что его догонит в один прекрасный момент государственный корветт, идущий под военным флагом, и тогда флибустьер пойдет ко дну в два счета.

Но у меня этой надежды нисколько нет//.

Да, черт с ним, с флибустьером! Сам он меня не интересует. Для меня есть более важный вопрос: что же это, в конце концов, будет с "Мольером" вне Москвы. Ведь такие плавают в каждом городе.

Да, да, Павел Сергеевич, Комплект очень бы хорошо посмотреть. Лолагаю, - январь-февраль 32 г. Наверное, "Вечерняя Красная". Там, возможно, найдется кровавый след убийства.

Вот новая напасть. В последние дни, как возьмусь за перо, начинает болеть голова. Устал. Вынужден оставить письмо. Ждите продолжения. А мне Ильиничне мой привет.

Ваш Михаил

/5/
14.IV.32
Москва

Пять часов утра, не спится. Лежал, беседовал сам с собой, а теперь, дорогой Павел Сергеевич, позвольте побеседовать с вами.

Я очень благодарен Вам за выписку. Вот если бы Вы были так добры и извлекли для меня заметку из "Красной газеты" (ноябрь 1931 г.) под заглавием "Кто же вы?" Очень был бы признателен Вам - нужно мне полюбоваться на одного межевания человечка.

Старых друзей нельзя забывать - Вы правы. Совсем недавно один близкий человек утешил меня предсказанием, что, когда я вскоре буду умирать и позову, то никто не придет ко мне, кроме Черного Монаха. Представьте, какое совпадение. Еще до этого предсказания засед у меня в голове этот рассказ. И страшновато как-то все-таки, если уж ~~ши~~ никто не придет. Но, что же поделаешь, сложилась жизнь моя так.

Теперь уже всякую ночь я смотрю не вперед, а назад, потому что в будущем для себя я ничего не вижу. В прошлом же я совершил пять роковых ошибок. Не будь их, не было бы разговора о Монахе, и само солнце светило бы мне по иному, и сочинял бы я, не шевели беззвучно губами на рассвете в постели, а как следует быть, за письменным столом.

Но теперь делать уже делать нечего, ничего не вернешь. Продолжаю я только те два припадка нежданной, налетевшей как обморок робости, из-за которой я совершил две ошибки из пяти. Оправдание у меня есть: эта робость была случайна - плод утомления. Я устал за годы моей литературной работы. Оправдание есть, но утешения нет.

15.IV.

Продолжаю:

Итак, усталый, чувствуя, что непременно надо и пора подводить итог, принять все окончательные решения, я все проверяю прошедшую жизнь и вспоминаю, кто же был моим другом. Их так мало. Я помню - Вас, во всяком случае помню твердо, Павел Сергеевич.

20.IV.

Что это за наказание! Шесть дней пишется письмо! Дьявол какой-то меня заколдовал.

Продолжаю: так вот в дружелюбные руки примите часть душевного бремени, которое мне уже трудно нести одному.

Это, собственно, не письмо, а заметки шлющие о днях... Ну, словом буду писать Вам о "Турбинах", о Мольере и о многом еще. Знаю, что это не светский прием, говорить только о себе, но писать ничего и ни о чем не могу, пока не развязу свой душевный узел. Прежде всего о "Турбинах", потому что на этой пьесе как на нити подвешена теперь вся моя жизнь, и ежедневно я воссыпаю моления Судьбе, чтобы никакой меч эту нить не перерезал.

Но прежде всего иду на репетицию, а затем буду спать, а уж выпавшись письмо сочиню. Итак до следующего письма. Привет Анне Ильиничне!

Вася М.

/6/

//24.IV.32

Москва

Дорогой Павел Сергеевич!

Итак, мои заметки. Я полагаю, что лучше всего будет, если прочитав, Вы бросите их в огонь. Нечка давно уже сделалась моей излюбленной редакцией. Мне нравится она за то, что она, ничего не бракуя, одинаково охотно поглощает и квитанции из прачечной и начала писем и даже, о позор, позор, стихи! С детства я терпеть не мог стихов (не о Пушкине говорю, Пушкин – не стихи!) и, если сочинял, то исключительно сатирические, вызывая отвращение тетки и горе мамы, которая мечтала об одном, чтобы ее сыновья стали инженерами путей сообщения.

Мне неизвестно, знает ли покойная, что младший стал солистом-балалайчиком во Франции, средний ученым-бактериологом все в той же Франции, а старший никем стать не пожелал.

Я полагаю, что она знает. И временами, когда в горьких снах я вижу абажур, клавиши, Фауста и ее (а вижу я ее во сне в последние ночи* вот уже третий раз. Зачем она меня тревожит?) мне хочется сказать – "Поедемте со мною в Художественный Театр. Понаку Вам пьесу. И это все, что могу предъявить. Мир, мама?"

Пьеса эта была показана 18-го февраля. От Тверской до Театра стояли мужские фигуры и бормотали механически "Нет ли лишнего билетика?" То же было и со стороны Дмитровки.

В зале я не был. Я был за кулисами и актеры волновались так, что заразили меня. Я стал перемещаться с места на место, опустели руки и ноги. Во всех концах звонки, то свет ударит в софитах, то вдруг как в шахте тьма и загораются фонарики помощников и кажется, что спектакль идет с вертящей голову быстротой. Только что тоскливо пели петлюровцы, а потом взрыв света и в полутьме вижу, как выбежал Топорков и стоит на деревянной лестнице и дышит, дышит...// Наберет воздуху в грудь и никак с ним не расстается... //Стоит тень 18-го года, вымотавшаяся в беготне по лестницам гимназии и ослабевшими руками расстегивает ворот шинели. Потом вдруг тень ожила, спрятала папаху, вынула револьвер и опять скрылась в гимназии. (Топорков играет Мыльтаевского первоклассно). Актеры волновались так, что бледнели под гримом, тело их покрывалось потом, а глаза были замученные, настороженные, высматривающие.

Когда возбужденные до предела петлюровцы погнали Николку, помощник выстрелил у моего уха из револьвера и этим мгновенно привел меня в себя.

На кругу стало просторно, появилось пианино и мальчик-баритон запел эпиграмму.

Тут появился гонец в виде прекрасной женщины. У меня в последнее время отточилась до последней степени способность, с которой очень тяжело жить. Способность заранее знать, что хочет от меня человек, подходящий ко мне. Повидимому, чехлы на нервах уже совершенно истрепались, а общение с моей собакой^{**} научило меня быть всегда настороже.

Был введен в курс дела, я знаю, что мне скажут и плохо то, что я знаю, что мне ничего нового не скажут. Ничего неожиданного не будет, все известно. Я только глянул на напряженно улыбающийся рот и уже знал — будут просить не выходить...

Гонец сказал, что Ка-Эс звонил и спрашивает, где я и как себя чувствую?...

Я просил благодарить — чувствую себя хорошо, а нахожусь за кулисами и на вызовы не пойду.

О, как сиял гонец! И сказал, что Ка-Эс полагает, что это мудрое решение.

Особенной мудрости в этом решении нет. Это очень простое решение. Мне не хочется ни поклонов, ни вызовов, мне вообще ничего не хочется, кроме того, чтобы меня Христа ради оставили в покое, чтобы я мог брать горячие ванны и не думать каждый день о том, что мне делать с моей собакой, когда в июне кончится квартирный контракт.

Вообще мне ничего решительно не хочется.

Занавес давали двадцать раз. Потом актеры и знакомые истязали меня вопросами — зачем не вышел? Что за демонстрация? Выходит так: выйдешь — демонстрация, не выйдешь — тоже демонстрация. Не знаю, не знаю, как быть.

До следующего письма.

Ваш М.

Анне Ильиничне привет! //

В "Неизданном Булгакове";

^{**} последние дни

^{***} с своей собакой

/7/

Москва, 30.IU.32 г.

Дорогой Павел Сергеевич!

Ваше письмо от 26-го я получил. Очень, очень признателен за выписку. После получения ее у меня на столе полный паспорт гражданина Вишневского со всеми особыми приметами. Этот Вс.Вишневский и есть то лицо, которое сняло "Мольера" в Ленинграде, лишив меня, по-видимому, возможности купить этим летом квартиру. Оно же произвело и ряд других подвигов уже в отношении других драматургов и театров. Как в Ленинграде, так и в Москве. Подвиги эти такого свойства, что разговаривать о Вс.Вишневском мне просто нежелательно. Но несколько слов все же придется сказать о "Днях Турбинах". //Вс.Вишневский был единственным, кто отметил в печати возобновление//. Причем то, что написал, пересказу не поддается. Нужно приводить целиком. Привожу кусочек:

//"...все смотрят пьесу, покачивая головами, и вспоминают рамзинское дело..."// Казалось бы, что только в тифозном бреду можно соединить персонажей "Турбинах" с персонажами рамзинского дела.

Но я не считаю себя плохим экспертом. (Пусть это самомнение! Это не бред, это ясная речь. Душевный комплекс индивида в полном порядке. Индивид делает первые робкие шаги к снятию декораций моих со сцены. Возможно, что шаги эти глупы. Ах, впрочем, дело не в этом.

// Мне хочется сказать только одно, что в последний год на поле отечественной драматургии вырос в ~~ши~~ виде Вишневского такой цветок, которого даже такой ботаник как я еще не видел// Его многие уже заметили и некоторые клянутся, что еще немного времени и его вырвут с корнем.

А, да мне все равно, впрочем. Довольно о нем. В лету! К чертовой матери!

Опять, опять к моим воспоминаниям. Сердце стучит тревожно, спешу записать их. Ждите их в четвертом письме.

Ваш М.Б.

7.7.32

Москва

Эх, рановато было еще о "Мертвых душах", дорогой Павел Сергеевич! Вы ломаете мой план. Но раз Вам угодно — извольте. Но потом, все-таки, я вернусь к "дням Турбинах".

Итак, мертвые души... Через девять дней, мне исполняется 41 год. Это — чудовищно. Но тем не менее это так.

И, вот, к концу моей писательской работы я был вынужден сочинять инсценировки. Какой блестательный финал, не правда ли? Я смотрю на полки и ужасаюсь: кого, кого еще ~~еще~~ мне придется инсценировать завтра? Тургенева, Лескова, Брокгауза-Бронса? Островского? Но последний, по счастью, сам себя инсценировал, очевидно предвидел то, что случится со мною в 1929—1931 гг. Словом...

1) "Мертвые Души" инсценировать нельзя. Примите это за аксиому от человека, который хорошо знает произведение. Мне сообщили, что существует 160 инсценировок. Быть может ~~что~~ и не точно, но во всяком случае играть "Мертвые Души" нельзя.

2) А как же я-то взялся за это?

Я не брался, Павел Сергеевич. Я ни за что не берусь уже давно, так как не распоряжаюсь ни одним моим шагом, а Судьба берет меня за горло. Как только меня назначили в МХТ, я был введен в качестве режиссера-ассистента в "М.Д." (старший режиссер Сахновский, Телешова и я). Одного взгляда моего в тетрадку с инсценировкой, написанной приглашенным инсценировщиком, достаточно было, чтобы у меня позеленело в глазах. Я понял, что на пороге еще Театра попал в беду — назначили в несуществующую пьесу. Хорош дебят? Долго тут рассказывать нечего. После долгих мучений выяснилось то, что мне давно известно: для того, чтобы что-то играть, надо это что-то написать. Коротко говоря, писать пришлось мне.

Первый мой план: действие происходит в Риме (не делайте больших глаз!) Раз он видит ее из "прекрасного далека" и мы так увидим!

Рим мой был уничтожен, лишь только я доложил *exposé*. И Рима моего мне безумно жаль!

3) Без Рима, так без Рима.

Менно, Павел Сергеевич, резать! И я разнес всю поэму по камням. Буквально в клочья. Картина I (или пролог) происходит в трактире в Петербурге или в Москве, где секретарь опекунского совета дал случайно Чичикову уголовную мысль покойников купить и заложить.

(Загляните в т. I гл. XI). Чичиков покупать. И совсем не в том порядке, как в поэме. В картине Х-й, называемой в репетиционных листах "Камеральной", происходит допрос Селифана, Петрушки, Коробочки и Ноздрева, рассказ про Капитана Копейкина и приезжает живой капитан Копейкин, отчего прокурор умирает. Чичикова арестовывают, сажают в тюрьму и выпускают (полицмейстер и жандармский полковник), ограбив дочиста. Они уезжают. "Покати", Навел Иванович!"

Вот-с, какие дела.

Что было с Немировичем, когда он прочитал! Как видите, это не 161-я инсценировка и вообще не инсценировка, а совсем другое. (Всего, конечно, не упишешь в письме, но например Ноздрев всюду появляется в сопровождении Микуффа, который ходит за ним как зевь. Текст сплошь и рядом передан в другие уста совсем не в те, что в поэме, и так далее).

Влад. Иван. был в ужасе и ярости. Был великий бой, но все-таки пьеса в этом виде пошла в работу. И работа эта продолжается около 2-х лет!

4) Ну, и что же, этот план сумели выполнить? Не беспокойтесь, Навел Сергеевич, не сумели. Почему же? Потому что, к ужасу моему, Станиславский всю зиму прохорвал, в Театре работать не мог. (Немирович де заграницей).

На сцене сейчас черт знает что. Одна надежда, что Ка-Эс. поднимется в мае, глянет на сцену.

Когда выйдут "Мертвые Души"? Но-моему – никогда. Если же они выйдут в том виде, в каком они сейчас, будет большой провал на Большой Сцене.

В чем дело? Дело в том, что для того, чтобы гоголевские пленительные фантасмагории ставить, нужно режиссерские таланты в Театре иметь.

Вот-с как, Навел Сергеевич!

А впрочем все равно. Все равно. И все равно!.

До следующего письма.

Ваш М.Б.

P.S. Если еще интересуетесь чем-нибудь в "Мертвых", пишите. Я на вопросы Вам отвечу точно. А то, сами понимаете, в одно письмо не вложишь историю двух лет. Да еще и богатую при том историю!

М.

/9/
4.УШ.32
Москва

Дорогой друг Навел Сергеевич,

как только Жан Батист Поклен де Мольер несколько отпустит душу
и я получу возможность несколько соображать, с жадностью Вам
стану писать.

Биография - 10 листов - да еще в жару - да еще в Москве!

А Вам хочется писать о еерьезном и важном.

Сейчас я посыпаю Вам и Анне Ильиничне дружеский привет и
отчаянное мое сожаление, что не могу повидать Вас 7-го.

Спасибо Вам за память.

Непременно напишите, сколько времени еще будете жить в
Тирлеве.

Ваш М.

555

/10/

18. VIII. 32

Москва

← Дорогой Павел Сергеевич, ←
Коля передал мне Ваше письмо. —————→

Оно угодило в самую мертвую паузу, потому что все спали
Нащекинский переулок, в котором надстраивается дом.

Но:

Ваш уважаемый заказ будет выполнен.

Вчера я уже ломал голову, но пока еще ничего не вышло.
Итак, все меры принимаются! Обнимаю Вас.

Анне Ильиничне привет!

Вал М.

301

/II/

19.У2.33

Дорогая Анна Ильинична!

Мы очень мило сидели и жалели, что Вас не было. Приходите
к нам и не забывайте, что я очень симпатичный!

Целую ручку.

Вас М.Булгаков

/12/

13 апреля 1933 года

Дорогой Павел!

Я хотел зайти к тебе, но, во-первых, у тебя лазарет, кажется, а, во-вторых, я почему-то думаю, что тебя трудно застать дома. Кстати, не собираешься ли ты пристроить у себя телефон? Этоemerзительная вещь в квартире, но иногда - необходимая.

// Ну-с, у меня начались мольеровские дни. Открылись они рецензией Т. В ней, дорогой Петя, содержится множество приятных вещей. Рассказчик мой, который ведет биографию, назван развязным молодым человеком, который верит в колдовство и чертовщину, обладает оккультными способностями, любит альковные истории, пользуется сомнительными источниками и, что хуже всего, склонен к романтизму.

. Но этого мало. В сочинении моем, по мнению Т., "довольно прозрачно проступают намеки на нашу советскую действительность"!// Е.С. и К., ознакомившись с редакторским посланием, впали в ярость и Е.С. даже порывалась идти объясняться. Удержав ее за юбку, я еле отговорил ее от таких семейных действий. Затем сочинил редактору письмо. // Очень обдумав дело, счет за благо боя не принимать. Оскалился только по поводу формы рецензии, но не кусал. А по существу сделал так: Т. пишет, что мне, вместо моего рассказчика, надлежало поставить "серьезного советского историка". Я сообщил, что я не историк, и книгу переделывать отказался//

Т. пишет в том же письме, что он послал рукопись в Сорренто.

Итак, желаю похоронить Жана-Батиста Мольера. Всем спокойнее, всем лучше. Я в полной мере равнодушен к тому, чтобы украсить своей обложкой витрину магазина. По сути дела, я - актер, а не писатель. Кроме того, люблю покой и тишину.

Вот тебе отчет о биографии, которой ты заинтересовался.

Позвони мне, пожалуйста, по телефону. Мы сговоримся о вечере, сойдемся и помянем в застольной беседе имена славных комедиантов с'еров Ла Гранжа, Брекура, До Круази и самого командора Жана Мольера.

Твой М.

/13/

Москва 19.У.33 г.

Дорогой Павел!

Распространился слух, что ты уезжаешь в отпуск. Кроме того, Коля говорил мне, что ты звонил ко мне, но не дозвонился. Надеюсь, что ты урвешь минутку и забежишь попрощаться. Захвати с собой злосчастного Мольера.

А я? Ветер шевелит зелень возле каждой поликлиники, сердце замирает при мысли о реках, мостах, морях. Цыганский стон в душе. Но это пройдет. Все лето, я уже догадываюсь, буду сидеть на Пироговской и писать комедию (для Ленинграда). Будет жара, стук, пиль, нарзан.

Итак, позвони (в 11 ч.утра или в 10 вечера) и забегай.

Привет Анне Ильиничне!

Твой М.

/14/

22.Ул. 1933

Москва

Жив ли ты, здоров ли, дорогой Павел?

Я вернулся из Ленинграда, значительно отдохнувши за 10 дней в Астории.

Коля пытается уверить меня в двух вещах: 1) ты поставил у себя телефон, 2) ты меня совершенно забыл.

Задыхаюсь на Широковской. Может быть, ты уволишьши мою судьбу, чтобы наконец закончили дом в Нашекинском? Когда же это, наконец, будет?! Когда?

Передай мой и Люси привет Анне Ильиничне.

Твой М.Б.

/15/

//28 апреля 1934 г.
Москва.

Дорогой Павел!.. Я подал прошение о разрешении мне заграничной поездки на август-сентябрь. Давно мне уже грезилась Средиземная волна и парижские музеи, и тихий отель, и никаких знакомых и фонтан Мольера, и, словом, возможность все это видеть. Давно уж с Люсей разговаривал о том, какое путешествие можно было бы написать! И вспомнил незабвенный Фрегат Наллады, и как Григорович вкатился в Париж лет восемьдесят назад! Ах, если б осуществилось Тогда уж готовь новую главу - самую интересную.

Видел, однако, литератора, ~~набывшего~~ как-то побывавшего за границей. На голове был берет с коротеньким хвостиком. Ничего, кроме хвостика, не вывез! Впечатление такое, как будто он проспал месяца два, затем этот берет купил и приехал. Ни строки, ни фразы, ни мысли! О, незабвенный Гончаров! Где ты!

... Ах, какие письма. Павел, я тебе буду писать! А приехав осенью, обниму, но короткий хвостик покупать себе не буду. А равно также и короткие штаны до колен. А равно также и клетчатые чулки...//

/16/

26 июня 1934 года.

Ленинград. Астория. № 450

Дорогой Павел!

Прежде всего, колосальное спасибо тебе за присылку "Блаженства". За это чем-нибудь тебе отслужу. До сих пор не мог тебе писать. После всего прошедшего не только я, но и хозяйка моя, в великому моему ужасу, расхваралась. Начались дьявольские мигрени, потом боль поползла дальше, бессонница и прочее. Обоим нам пришлось лечиться аккуратно и всерьез. Каждый день нам делают электризацию. И вот мы начинаем становиться на ноги.

Ну-с, здесь совершился пятисотый спектакль - это было двадцатого. Ознаменовался он тем, что Выборгский Дом поднес Театру адрес, а Жене Калужскому серебряный портсигар. Дело происходило при закрытом занавесе перед третьим актом. (Калужский был единственный, кто сыграл все 500 спектаклей без пропуска).

Я получил два поздравления: одно из Москвы, а другое - от Сахновского, как от заместителя директора. Оба меня очень обрадовали, потому что оба написаны тепло, нарядно.

И Немирович приспал поздравление Театру. Проверив его в руках, я убедился, что там нет ни одной буквы, которая бы относилась к автору. Полагаю, что хороший тон требует того, чтобы автора не упоминать. Раньше этого не знал, но я очевидно недостаточно светский человек.

Очень досадно, что, не спрашивая меня, Театр послал ему благодарность, в том числе и от автора. Дурного бы дал, чтобы выдрать оттуда слово - автор.

Я тебя вспоминаю часто, Люся также. Надеюсь, что вполне жив и здоров, работаешь.

Я пишу "Мертвые души" для экрана и привезу с собой готовую вещь. Потом начнется возня с "Блаженством". Ох, много у меня работы. Но в голове бродит моя Маргарита и кот и полеты... Но я слаб и разбит еще. Правда, с каждым днем я крепну.

Все, что можно будет собрать в смысле силы за это лето, соберу.

Люся прозвала меня Капитаном Копейкиным. Оцени эту остроту, полагаю, что она первоклассна.

Если тебя не затруднит, побывай у меня на квартире, глянь, что там творится. И время от времени звони нашей красавице (58-67).

Целую Анне Ильиничне ручку. Люся Вас обоих приветствует. Если напишешь, буду рад.

Твой Михаил.

/Г7/

27 июня <1934 г.>

Милый Патя,

прилагаю к письму две просьбы:

позвони, ангел, Арбат, 3.59.69, найди (это номер кинофабрики) Илью Вениаминовича Вайсфельда и попроси его, чтобы он срочно прислал мне в Асторию адрес, по которому ему можно будет выслать мой сценарий и по которому я могу ему писать. Но добавь, что, возможно, сценарий я привезу лично в начале ~~июня~~ июля. Адрес мне нужен на тот случай, если я задержусь.

Также мне нужно знать, сколько времени он и режиссер Пырьев будут в Москве.

Домашний телефон Вайсфельда: Арбат, 3.92.66. Есть еще второй служебный, точно его не помню, но кажется, что Арбат, 1.89.34.

Вторая просьбушка: на квартире у меня должна быть телеграмма. Вскрой ее, сообщи содержание письмом.

Если будут письма, пусть лежат до моего возвращения; — если только среди них не обнаружишь по конверту чего-нибудь очень важного.

Если телеграммы — скрывают и сообщай.

Обнимаю. Твой М.

/18/

6 июля 1934 года.

Милый Павел,

спасибо тебе за хлопоты. Какой ты там нашел застарелый долг?
Никакого долга за тобой я не помню, но что ты дал Фросе денег,
это хорошо. Спасибо. Я сочтусь с тобой, как только приеду.

Здоровье - увы! - не совсем еще восстановилось, и конечно,
этого сразу не достигнешь. Но все-таки Елена Сергеевна чувству-
ет себя гораздо лучше. Некоторая надежда есть и относительно
меня. Уж очень хороши были!

Появимся мы в Москве в середине июля, где и надеюсь обнять
тебя.

Елена Сергеевна шлет самый лучший привет Анне Ильиничне,
и, будь ангелом, еще раз позвони на квартиру, а руке твоей не
миновать поцелуя, вспомни мое слово.

Твой М.

/19/
10.7.34

Дорогой Павел!

И от 8-го твое письмо получено. Прежде всего, прости за то, что я не выразил сожаления по поводу смерти твоего отца. Это оттого что моя измотанная голова еще не совсем хорошо действует.

Спасибо тебе за твои хлопоты.

На Фросины губы никакого внимания не обращай. Это не домработница, а какая-то кисейная барышня. Эти самые книжки - Люся говорит, надо менять на Тверском бульваре 25 (дом Герцена). Люся утверждает, что Фрося должна это знать.

В смысле денег, мы полагаем, что они должны быть у нее. Ведь Екатерина Ивановна должна была рассчитать, сколько было нужно Фрося.

Несколько дней назад мы послали ей 50 рублей. Спроси на всякий случай, как у нее обстоит этот вопрос. Если она скажет, что нет, будь добр, дай ей рублей 25, я тебе верну с благодарностью по приезде в Москву.

Мы ~~еще~~ должны появиться в Москве числа 16-17 июля.

Корреспонденция моя пусть меня идет в Москве. Очень правильно.

Если тебе не трудно, позвони Вайсфельду (тел. служ.: Арбат, 3-59-69 или Арбат, 1-84-59. или домашн.: Арбат, 3-92-66) и спроси: "Вы увезли оба экземпляра сценария?" (Мертвых душ). Пусть ~~шорох~~ телеграфирует ответ.

Дело в том, что я обыскал весь номер, нет второго экземпляра. Значит, увезли оба, вместо одного.

А я сейчас сижу над обдумыванием его переделки.

Люся утверждает, что сценарий вышел замечательный. Я им показал его в черновом виде, и хорошо сделал, что не перебелил. Все, что больше всего мне нравилось, то есть, сцена суворовских солдат посреди Ноздревской сцены, отдельная большая баллада о Капитане Копейкине, панихида в имении Собакевича и, самое главное, Рим с силуэтом на балконе, - все это подверглось полному разгрому! Удается сохранить только Капейкина, и то сузив его. Но - Боже! - до чего мне жаль Рима!

Я выслушал все, что мне сказал Вайсфельд и его режиссер, и

тотчас сказал, что переделаю, так что они даже изумились.

С "Блаженством" здесь произошел случай, ша выпадающий за
границ реального.

Номер Астории. Я читаю. Директор театра, он же и постановщик, слушает, выражает полное и, повидимому, неподдельное восхищение, собирается ставить, сулит деньги и говорит, что через 40 минут придет ужинать вместе со мной. Приходит через 40 минут, ужинает, о пьесе не говорит ни одного слова, а затем проваливается сквозь землю и более его нет!

Есть предположение, что он ушел в четвертое измерение.

Вот какие чудеса происходят на свете!

Анне Клиничне наш лучший привет!

Целую тебя.

Твой Михаил.

/20/

1935 г. 14 марта

Москва

Гравидан, душа Павел, тебе не нужен: память твоя хороша:
дом 23, кв. 44. Не одни киношники. Мною многие командуют.

Теперь закомандовал Станиславский. Прогнали для него Мольера без последней картины (не готова), и он вместо того, чтобы разбирать постановку и игру, начал разбирать пьесу.

В присутствии актеров (на пятом году!) он стал мне рассказывать о том, что Мольер гений и как этого гения надо описывать в пьесе.

Актеры хищно обрадовались и стали просить увеличивать им роли.

Мною овладела ярость. Опьянило желание бросить тетрадь, сказать всем: - Пишите сами про гениев и про негениев, а меня не учите, я все равно не сумею. Я буду лучше играть за вас.

Но нельзя, нельзя этого сделать. Задавил в себе это, стал защищаться.

Дня через три опять. Поглаживая по руке, говорил, что меня надобоглаживать и опять пошло то же.

Коротко говоря, надо им вписывать что-то о значении Мольера для театра, показать как-то, что он гениальный Мольер и прочее.

Все это примитивно, беспомощно, ненужно. И теперь сижу над экземпляром, а рука не поднимается. Не вписывать нельзя - итти на войну - значит сорвать всю работу, вызвать кутерьму форменную, самой же пьесе повредить, а вписывать зеленые заплаты в черные фрачные штаны!.. Черт знает, что делать!

Что это такое, дорогие граждане?

Кстати - не можешь ли ты мне сказать, когда выпустят Мольера? Сейчас мы репетируем на Большой бцене. На дня Горчакова оттуда выставят, так как явятся "Враги" из фойе. Натурально пойдем в филиал, а оттуда незамедлительно выставим Судаков с пьесой Корнейчука. Я тебя и спрашиваю, где мы будем репетировать и вообще когда всему этому придет конец?

Довольно о "Мольере"!

Своим ~~ежеминутным~~ отзывом о чеховской переписке ты меня огор-

чил. Письма вдовы и письма покойника произвели на меня отвратительное впечатление. Скверная книжка! Но то обстоятельство, что мы по разному видим один и тот же предмет, не помешает нашей дружбе.

Блинов не ели. Лося хворала. (Теперь поправляется).

А за окном, увы, весна! То косо полетит снежок, то нет его, и солнце на обеденном столе. Что принесет весна?

Слышу, слышу голос в себе - ничего!

Опять про Мольера вспомнил! Ох, до чего плохо некоторые играют! И в особенности из дам К. И ничего с ней поделать нельзя.

Заботы, заботы. И главная поднять Лосю на ноги. Сколько у нас работы, сколько у нее хлопот. Устала она.

Анну Ильиничну за переписку поцелуй.

Анна Ильинична! Вашим лыжным подвигом горжусь.

Пиши еще. Представляю себе, как вкусно сидите Вы у огня. Славьте огонь в очаге.

Твой Михаил.

/21/

//5 октября 1936.

... Сегодня у меня праздник. Ровно десять лет назад совершилась премьера "Турбинных"... Сижу у чернильницы и жду, что откроется дверь и появится делегация от Станиславского и Немировича с адресом и ценным подношением. В адресе будут указаны все мои искалеченные или погубленные пьесы и приведен список всех радостей, которые они, Станиславский и Немирович, мне доставили за десять лет в Проезде Художественного театра. Ценное же подношение будет выражено в большой кастрюле какого-нибудь благородного металла (например, меди), наполненной твою самую кровью, которую они выпили из меня за десять лет.//

/22/

// 24 марта 1937 года

... Некоторые мои доброжелатели избрали довольно странный способ утешать меня. Я не раз слышал уже подозрительно елейные голоса: "Ничего, после вашей смерти все будет напечатано!" Я им очень благодарен, конечно//.

/23/

4.X.39

Спасибо тебе за милое письмо, дорогой Навел. Мое письмо, к сожалению, не может быть обстоятельным, так как мучают головные боли. Поэтому я просто обнимаю тебя, а Анне Ильиничне шлю привет.

Твой МБ

/24/

23.X.39

Ну, разодолжил ты меня и утешил, дорогой Павел, своим письмом об Апухтине! Как раз незадолго до своей болезни я перечитывал его прозу и впервые прочитал прекрасно сделанную вещь: "Архив графини Д." Присоединяясь к мнению Александра Ш - это великолепная сатира на великосветское общество. Вообще, Апухти^н - тонкий, мягкий, иронический прозаик, и если ты занялся им, желаю тебе полного успеха в твоей работе. С большим оживлением я слушал Елену Сергеевну, читавшую мне твое письмо. А "Павлик Дольский"!! Какой культурный писатель! И точно так же, как и ты, я нисколько не пленен его поэзией. Если будет время, пиши еще. Посылаю поцелуй Анне Ильиничне и тебе. Елена Сергеевна тоже.

Твой МБ

/25/

Барвиха, 1.XII.39

Патя, диктую скучно, потому что лежу в гриппе, который, к великому счастью, кажется, кончается.

В основной моей болезни замечено здесь улучшение (в глазах). Благодаря этому у меня возникла надежда, что я вернусь к жизни. Рад тому, что зажила твоя нога. Желаю Анне Ильиничне и тебе самого полного здоровья!

Когда будешь сидеть в своем кабинете и читать книжку – вспомни меня.

Я лишен этого счастья уже два с половиной месяца.

Если напишешь, чему буду очень рад, пиши прямо к нам на городскую квартиру.

Твой Михаил.

/26/

Барнаул. 6.XII.39

Да, дорогой Павел, никогда не следует заранее что-либо загадывать. Обоих нас скосил грипп, и все пошло прахом - в смысле воздуха и дальнейшего движения вперед. Чувствую я себя плохо, все время лежу и мечтаю только о возвращении в Москву и об отдыхе от очень трудного режима, и всяких процедур, которые за три месяца истомили меня вконец. Довольно лечений!

Писать и читать мне ~~побережнему~~ строго запрещено, и как сказано здесь, будет еще запрещено "надолго".

Вот словцо, полное неопределенности! Не можешь ли ты мне перевести, что значит "надолго"?

К двадцатому декабря, во что бы то ни стало, постараюсь быть уже в Москве.

Бинне Ильиничне привет!

Твой М.

/27/

24.I.40

Жив ли ты, дорогой Павел? Меня морозы совершенно искалечили, и я чувствую себя плохо. Позвони!

Твой М.